

ЕЛЕНА БОЛЬШАКОВА,
РЕДАКТОР SOCIAL REPORT
«ЛИЦА ГОРОДА»

С ДЕЛА № В РОССИИ

Говорить об открытости бизнесменов и общественных деятелей становится все сложнее. Если во время пандемии СМИ служили площадкой, где они могли рассказать о реальном состоянии отраслей, оценить влияние ограничительных мер на экономику и социум, внести предложения или обратиться к властям, призвав их к действию, — это уже требовало смелости, — то в 2022 году авторство в критической цитате может запросто обернуться административным или уголовным преследованием.

Круг того, что надзор готов расценить как поклеп на систему, расширяется с каждым днем, чиновники хвастаются сервисами для «качественного» мониторинга мнений, а контролирующие органы берутся за интерпретацию сказанного. Так, единороссы запустили чат-бот для охоты за фейками, призывая всех неравнодушных жаловаться на сомнительные публикации. Желая сообщить эту информацию может подкрепить ее ссылками и скриншотами. Именно их сотрудники центра «Э» МВД использовали в качестве основания для преследования градозащитника Александра Кононова, зампреда петербургского отделения ВООПИиК, за антироссийскую позицию. Господин Кононов занимает 20-е место среди экспертов в рейтинге цитируемости «Ъ» за 2021 год. 17 мая по решению суда он был оштрафован на 40 тыс. рублей по статье о дискредитации вооруженных сил РФ (см. «Ъ» от 18.05.2022). Подробности о возрождении практики доносительства, а также о взаимном желании официальных властей и оппозиции публично клеймить несогласных ищите в материале SR.

Болезненное внимание к чужим словам в поисках обвинительного мотива противоречит тому, как они теряют вес перед российскими правоохранительными органами, когда используются в защиту. Игнорирующие эту аксиому выделяются на фоне привычных к устоявшемуся порядку жителей страны. Корреспондент SR наблюдала процесс Августа Мейера и, впечатлившись подготовкой предпринимателя, задумалась, способна ли речь ответчика менять ход дела. Пока это редкость, но юристы верят, что культура выступления в судах может пригодиться и в нашей действительности.

СЛОВОНЕПРОБИВАЕМЫЙ ОППОНЕНТ

В РОССИИ ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ СУДИЛИ НЕМАЛО ИНОСТРАНЦЕВ. ПОСЛЕДНИМ ГРОМКИМ ПРЕЦЕДЕНТОМ СТАЛО ДЕЛО АВГУСТА МЕЙЕРА, КОТОРЫЙ В ПРОШЛОМ РАБОТАЛ В АМЕРИКАНСКОЙ ПРОКУРАТУРЕ. ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ОН ВЫСТУПАЛ ОЧЕВИДНО НА ЗАПАДНЫЙ МАНЕР, ЭМОЦИОНАЛЬНО, НА АНГЛИЙСКОМ, БЛАГОДАРЯ СУД ЗА ПРЕДОСТАВЛЕННОЕ ЕМУ СЛОВО. SR ПОПРОСИЛ АДВОКАТОВ РАССКАЗАТЬ ОБ ОТЛИЧИЯХ СУДЕБНОЙ РИТОРИКИ В РАЗНЫХ СТРАНАХ И ОЦЕНИТЬ, КАК РЕЧИ ОБВИНЯЕМЫХ ВЛИЯЮТ НА УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА. ЕКАТЕРИНА ДАНИЛОВА

В конце прошлого года в Санкт-Петербурге задержали предпринимателя американского происхождения Августа Мейера, в разные годы инвестировавшего в сеть гипермаркетов «Лента», крупнейший в стране интернет-ритейлер «Юлмарт» и парфюмерную сеть «Рив Гош». 9 декабря 2021 года Московский райсуд Санкт-Петербурга избрал ему меру пресечения. По итогу заседания, как и в большинстве случаев (даже по последней официальной статистике ВС суды отправляли предпринимателей в изолятор в 65% случаев), он оказался в СИЗО. Но сам ход процесса не был похож на стандартное заседание. Август Мейер выступил с речью, которую начал с благодарности суду за предоставленное слово. «Я был в шоке, когда следователь (здесь господин Мейер указывал на представителя СКР. — SR), впервые увидев меня, сразу сказал, что отпустит мою жену, если я признаю вину. Допустимо ли держать мою жену в заложниках? А после этого он угрожал, что после того, как мы с женой окажемся в тюрьме, наших детей отдадут на попечение государству», — рассказывал он на английском о давлении следствия суду. «Мейер — бывший помощник окружного прокурора Сан-Диего. Мне сложно объяснить ему, почему силовые структуры выполняют функции коллекторов в интересах больших компаний», — говорил 25 января на заседании по обжалованию меры пресечения один из его адвокатов. Несмотря на то, что речи Августа Мейера пока не даровали ему свободу, они произвели впечатление на участников процесса и слушателей.

«Профессиональный отпечаток англо-саксонской правовой системы, где следствие в привычном нам понимании отсутствует, а процессуальная деятельность фактически начинается в судебных залах, не может не сказаться на поведении иностранного юриста, оказавшегося по ту сторону процессуальной баррикады в российских правовых реалиях», — соглашается Сергей Бородин, управляющий партнер адвокатской конторы «Бородин и партнеры». — Это выражается не только в манере выступления перед судом, но и в тех юридических аргументах и фактических обстоятельствах, на которые обращает внимание оратор. Но следует признать, что стиль и эмоциональная окраска выступления редко могут оказать влияние на принимаемое российским судом реше-

В РОССИИ СУД САМ ЯВЛЯЕТСЯ ИНИЦИАТОРОМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ, ЧЕМ КОСВЕННО ОБЪЯСНЯЕТСЯ ПАССИВНОСТЬ СТОРОН: СТИЛЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ ОТВЕТЧИКА РЕДКО МОЖЕТ ОКАЗАТЬ ВЛИЯНИЕ НА ПРИНИМАЕМОЕ РЕШЕНИЕ

ние». Руководитель практики международного арбитража и трансграничных споров КА «Регионсервис» Мария Любимова также отмечает, что в манере и способе ведения процесса в странах есть значительная разница, обусловленная существенно различными процедурными правилами, существующими в их правовых порядках.

Впрочем, не все адвокаты видят отличия между выступлениями российских и иностранных предпринимателей. Управляющий партнер адвокатского бюро «Большаков, Челышева и партнеры» Артур Большаков говорит, что принципиальной разницы между поведением в процессе, в манере выступления нет. «В том числе это связано с тем, что предприниматели — это чаще всего далеко не глупые, состоявшиеся люди, большинство из них очень логично и эмоционально выступают. Почти любой живой человек, оказавшийся в ситуации, когда от твоих слов может зависеть встретить завтрашний день в тюрьме или дома с близкими, выступает очень хорошо, — делится господин Большаков. — Нередко после выступления российских предприни-

мателей или топ-менеджеров комок к горлу подступает, и адвокатам самим становится сложно после них говорить».

Отличия в ведении процесса адвокаты объясняют прежде всего сложившейся традицией. По словам господина Большакова, когда в 1864 году в России ввели суд присяжных, большинство скептически относилось к этому. Сомнения были связаны с тем, что в России нет подобных традиций, нет подготовленных людей, а в Англии и Франции суд присяжных существует уже века. Но эти опасения оказались напрасными, продолжает собеседник SR. Сразу после реформы появилось много блестящих адвокатов: Федор Плевако, Александр Урусов, Владимир Спасович, Николай Карабчевский, Петр Александров, Сергей Андреевский... Они не только не уступали зарубежным коллегам, но стали проводить более глубокие, содержательные и эффективные защиты, чем, например, французские адвокаты. «После революции, даже в глухие советские времена были адвокаты, которых судьи слушали, не пропуская ни одного их